Соина Ольга Сергеевна

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В статье проблема справедливости рассматривается в контексте прав человека. В настоящее время наблюдается неправомерное уравнивание прав человека как произволения общества и государства, гарантирующих ему нормальную жизнь, с правами субъективного произвола, независимо от того, кто пытается их реализовать на деле, что порождает противоречивую систему "двойных стандартов", зачастую весьма далеких и от рационально фиксируемой справедливости, и от элементарного и всем привычного законодательства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 166-169. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. **Гончаров И. А.** Обломов // Гончаров И. А. Обыкновенная история. Обломов. Письма столичного друга к провинциальному жениху. М.: Слово/Slovo, 2000. С. 273-680.
5. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Lexica, 1994. Т. 7.
6. **Карпинская Ю. Н.** Из семейной хроники // Исторический вестник. 1897. Т. 70. № 12. С. 853-870.
7. **Лазарева А. Н.** Мистика и нравственно-религиозное самосознание // Этос религиозного опыта. М., 1998. С. 35-37.
8. **Лелонг А. К.** Воспоминания Анны Козьминичны Лелонг // Русский архив. 1913. № 7. Кн. 2. С. 52-103.
9. **Лесков Н. С.** Юдоль // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 11.
10. **Лещенко В. Ю.** Семья и русское православие (XI-XIX вв.). СПб.: Изд-во Т. В. Фроловой, 1999. 394 с.
11. **Пушкин А. С.** История села Горюхина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Изд-е 4-е. Л.: Наука, 1978. Т. 6.
12. **Пушкин А. С.** Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Изд-е 4-е. Л.: Наука, 1978. Т. 6.
13. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Господа Головлевы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Правда, 1988. Т. 6. С. 5-255.
14. **Толстой Л. Н.** Анна Каренина: роман: в 8-ми ч. Л.: Художественная литература, 1979. Ч. 1-4. 448 с.
15. **Чехов А. П.** Вишневый сад: комедия в четырех действиях // Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2.
16. **Чехов А. П.** Дядя Ваня: сцены из деревенской жизни: в четырех действиях // Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2.
17. **Энгельгардт А. Н.** Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999. 714 с.
18. **Энгельгардт Н. А.** Эпизоды моей жизни: отрывки // Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999. С. 558-571.

RELIGIOUS REGULATION OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN LANDED GENTRY IN ESTATE IN THE XIXTH CENTURY

Smakhtina Marina Viktorovna, Ph. D. in History
Institute of Foreign Languages of Peoples' Friendship University of Russia
marinaya_sm@mail.ru

The author, basing on the analysis of memoirs and fiction, researches how the organizational and economic activity of the Russian gentry was regulated by the rules of Orthodoxy in the estate in the XIXth century. Although economic mentality in Russia was determined by religious norms, at least in the first half of the XIXth century, the data of sources did not allow revealing the pronounced religious motivation of housekeeping or other labour activity.

Key words and phrases: the Russian landed gentry in the XIXth century; system of values; Orthodox religious consciousness; organizational and economic activity in estate; religious regulation.

УДК 172.12
Философские науки

В статье проблема справедливости рассматривается в контексте прав человека. В настоящее время наблюдается неправомерное уравнивание прав человека как произволения общества и государства, гарантирующих ему нормальную жизнь, с правами субъективного произвола, независимо от того, кто пытается их реализовать на деле, что порождает противоречивую систему «двойных стандартов», зачастую весьма далеких и от рационально фиксируемой справедливости, и от элементарного и всем привычного законодательства.

Ключевые слова и фразы: справедливость; уравнивающая и распределяющая справедливость; равенство; неравенство; права человека; антропологизация права; правосознание.

Соина Ольга Сергеевна, д. филос. н., профессор
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)
sabirov-soina@211.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА©

Понятие справедливости имеет преимущественно этико-правовой и социально-гражданский статус. Однако оно является категорией не только этики и морального сознания, философии права и практической юриспруденции, но также и социальной философии и политологии. Справедливость в виде проблемы воздаяния человеку по заслугам к тому же – одна из важнейших в нравственном богословии и духовной жизни человека. Словом, справедливость – это та тема, на которой «сошлись» разные гуманитарные науки и формы культуры. В этой связи этическая теория не может абстрагироваться от всех ракурсов справедливости, но должна по возможности детально их исследовать и каким-то образом интегрировать в свое содержание, не теряя при этом своей специфики.

© Соина О. С., 2013

В этике в отличие от понятий добра и зла, оценивающих преимущественно поступки, поведение и мотивы, лежащие в их основе, а также моральные качества личности, справедливость в большей степени апеллирует к сфере отношений между людьми, социальными группами, народами.

Со времен Аристотеля утвердилась традиция деления *справедливости* на *уравнивающую* и *распределяющую*. В этом делении, собственно, и заключается самая суть и драма справедливости, соответственно, как понятия и как особой ценности, поскольку здесь должно быть удержано два очень важных и в то же время, казалось бы, исключающих друг друга момента. Во-первых, справедливость означает установление некоторой меры равенства между людьми. Во-вторых, она же предполагает наличие и соблюдение некоторого неравенства между ними как в пользовании благами, так и ответственности их за те или иные деяния. Пытаясь уравновесить эти два момента, Аристотель утверждает, что «справедливое – это, по-видимому, пропорциональное; общественная жизнь держится справедливостью, и справедливое – то же, что пропорциональное» [2, с. 326].

Такое осторожное, почти «геометрическое» приближение к постижению понятия справедливости, по сути дела, свидетельствует о том, что, исходя из специфики социально-гражданских отношений между людьми, невозможно дать общее и единственно верное определение справедливости, которым можно было бы с успехом пользоваться всегда и повсюду. Как справедливо отмечал известный отечественный правовед и философ Н. Н. Алексеев, единой и непререкаемой «формулы справедливости» не существует вообще, ибо любая формализация этого понятия без учета конкретных оснований его жизненно-практического применения есть ошибка или недопонимание реальных особенностей его социально-исторического бытия. «…невозможно формулировать закон справедливости, имеющий значение для всех времен или всех условий… Создание такой всеобщей формулы столь же невозможно, как невозможно одинаковое решение всех возможных конкретных математических задач. Формулы справедливости, как и математические формулы, могут быть только примерными образцами и правилами конкретных решений, – и формулировка таких образцов также возможна в вопросах справедливости» [1, с. 122]. И здесь дело заключается не только в исторической изменчивости самих представлений о справедливости, но, скорее, в том, что такова суть самого этого понятия, фиксирующего чрезвычайную сложность и многомерность человеческой жизни и отношений между людьми, ни в коей мере не могущих быть сведенными к общему знаменателю, но при этом требующих конкретности, т.е. рассмотрения каждой ситуации в ее неповторимом сочетании разнообразных связей и взаимоотношений людей и обстоятельств. Справедливо ли то, что Иванов и Петров получают одинаковую зарплату, а Сидоров и Павлов – разную? Справедливо ли то, что за практически одинаковое преступление двум разным людям суд присуждает различные меры наказания? Согласитесь, что на подобные вопросы мы не сможем ответить вразумительно до тех пор, пока не вникнем в обстоятельства и не разберемся в деталях, имеющих порой весьма существенное значение и каким-то образом восполняющих тот жизненно-необходимый момент «пропорциональности» распределения воздаяния и компенсации, о котором писал Аристотель. Итак, судя по всему, тема справедливости не может рассматриваться абстрактно, как некая умозрительная проблема, ибо в своем теоретическом и практическом преломлении она сугубо *ситуативна*. Тем не менее, в самом понятии справедливости решающее значение имеет некое принципиальное содержательно-смысловое ядро, в котором сосредоточена разумная и человечная мера равенства и неравенства, приемлемая и в частных отношениях между людьми, и в общих социально-гражданских основаниях человеческой жизни.

Что касается справедливости как особой нравственной ценности, то мы должны констатировать, что она является одной из наиболее остро переживаемых и порой болезненных тем как повседневного, так и общественного бытия людей. Многие межличностные конфликты, как правило, возникают именно на основе попранной справедливости, все социальные катаклизмы, бунты и революции так или иначе осуществлялись под знаменем «борьбы за справедливость». Эмпирически фиксируемое реальное неравенство людей в социальном положении, уровне образования, материальном благополучии и т.д. многими людьми, находящимися на низших ступенях социальной иерархии, может восприниматься как несправедливость, взывающая об ответной мере «пропорционального» воздаяния, что на уровне эмоциональных реакций выражается в откровенных или подавленных аффектах раздражения, зависти и злобной мстительности, а у людей преуспевших и потому явно гордящихся таким «справедливым» положением вещей, напротив, может провоцировать чувства превосходства и презрения по отношению к тем, кто не достиг какого-либо видимого успеха в своей жизни. Вообще же различного рода нравственные «диспропорции» в социальных оценках людей и их деятельности больно затрагивают самолюбие, наносят удар по человеческому достоинству. Как правило, каждый из нас желал бы, чтобы и его человеческое достоинство, и достоинства его навыков и умений были оценены адекватно. Поэтому проблема справедливости – это, по существу, основа социальной стабильности и порядка в любом человеческом сообществе, независимо от того, на какие идеалы оно опирается и какие задачи пытается решать. И если она систематически игнорируется, то в любом социуме рано или поздно накапливается разрушительная энергия грядущего социального взрыва, масштабы которого никому не удается предусмотреть заранее. Именно необходимостью превентивного разрешения острейших социальных конфликтов и объясняется столь пристальное внимание к этой категории в сфере социально-гуманитарного знания.

Относительно социально-философского и общеправового генезиса идеи прав человека в современной философии права нет устоявшейся точки зрения. Так, ряд философов и правоведов видят в ней одну из современных редакций классической теории естественного права, другие – новейшую универсализацию общественного договора (contract social), обеспечивающую новые взаимоотношения личности и социума, государства и индивида. Наиболее распространенной и общепризнанной является позиция, полагающая саму личность (persona), равно как и жизненно неотделимую от нее систему социально-гражданских прав (право на труд и

соответствующее вознаграждение за него; право на защиту своих экономических, социальных и политических интересов; право на различные формы социального обеспечения; право на отдых и досуг; право на защиту материнства и детства; право на охрану авторских достижений личности; право на свободу передвижения и выбор место проживания; право на свободу вероисповедания и пр.) [3], своего рода фундамент и основа современной социальной справедливости, закрепленной в соответствующих международных правовых актах.

Однако эта правовая универсализация идеи справедливости, несмотря на несомненную значительность ряда социально-юридических и этических аспектов, подверглась в последней четверти XX столетия существенному искажению, что в значительной степени обесценило ее этико-правовое содержание. Так, во-первых, глобальные социальные потрясения, переживаемые Россией и многими другими странами в 90-е годы, не могли не повлечь за собой неизбежных изменений именно в *правовом статусе личности* и теснейшим образом связанной с ним *идее ее прав и свобод*. Представлявшаяся незыблемым социальным достижением целого ряда предшествующих поколений, именно система прав и свобод человека, еще совсем недавно бывшая своего рода гарантом справедливой устойчивости общественных отношений, под напором разного рода социальных трансформаций чрезвычайно быстро начала превращаться в пустую декларацию, не подкрепленную никакими долгосрочными государственно-правовыми установлениями. Оказалось, что именно в сфере прав и свобод, парадоксальным образом утверждающихся вместе с демократическим устроением общества, человек стал наиболее незащищенным, а потому трагически лишенным даже той относительно скромной доли социальных прав, которыми он, несомненно, обладал в социуме, не имевшем общепризнанных социально-политических институтов и потому воспринимавшемся как ущербный и *несправедливый*.

Во-вторых, несмотря на откровенно политическую аранжировку идеи прав и свобод человека в современном мире, парадоксально совпавшую в постсоветской России и ряде других стран с явной девальвацией ее общегражданского содержания, она не могла не затронуть неких устоявшихся представлений о *единой универсальной справедливости*, справедливости прав и свобод в равной степени пригодной для всех стран и народов без учета их этнокультурных, гражданских и этико-правовых спецификаций и базирующейся прежде всего на учете баланса «прав» и «интересов» индивидуумов или общностей, противостоящих в той или иной степени интересам государств или народов. Практически не фиксируемые ни в соответствующих нормах права, ни в конкретных юридических документах или системе правовых актов, эти воззрения, чрезвычайно популярные в последней четверти XX столетия, оказались теснейшим образом взаимосвязанными с известного рода *партикуляризмом* или ограниченностью теорий о справедливом этико-правовом устроении общества исключительно на основе безусловной ценности самодостаточного человеческого индивидуума в противовес и вопреки ценностям социально-государственного порядка, а главное – без учета и анализа реального ценностного содержания вожделенных им прав, свобод и способов их жизненно-практической реализации. Тем не менее, невзирая на общераспространенное убеждение в том, что сила, справедливость и дееспособность права существуют исключительно для человеческой личности, становящейся в таком случае как бы «отправной точкой» или фундаментальным основанием всех правовых актов как таковых, именно такой выдающийся русский правовед и философ как Н. Н. Алексеев с успехом показал, что эта «философски-правовая аксиома» [1, с. 111] на самом деле порождает бесчисленные спекуляции в системе социально-правовых и этических отношений, способствуя тем самым появлению новых, а потому еще более изощренных форм несправедливости. Так, согласно его убеждению, эта *антропологизация права*, по существу вещей, отнюдь не утверждает, но, скорее, релятивизирует правовое содержание личности, ибо продуцируемая ею система прав и волеизъявлений может обладать качественно различным ценностным «наполнением» («По существу своему, личность, как начало объединения всех возможных актов может быть носителем и положительных и отрицательных ценностей – добра и зла – также как и различных ценностных модальностей, чувственных и духовных, нравственных и эстетических» [Там же, с. 113]), и потому, следовательно, субъективная экстраполяция тех или иных «прав» и «свобод» индивида на содержание правового акта в его предметной целостности и универсальности есть *на деле грубейшее попрание справедливости именно в общечеловеческом плане* или, говоря конкретнее, никоим образом не оправданное насилие субъективного *произвола*, неизвестно почему пожелавшего стать всесильным и общезначимым.

И, наконец, в-третьих, именно это важнейшее положение отечественной философии права и позволяет нам допустить предположение, что в современную социально-политическую теорию прав и свобод личности, несомненно, вкралась очень существенная этико-правовая ошибка, равным образом искажающая как фундаментальные положения современного права и правосознания, так и выношенные веками общечеловеческие представления о справедливости и законности. На наш взгляд, существо вещей здесь заключается в следующем: универсализируя саму идею прав человека или общности, современная правовая теория непроизвольно (а возможно, и намеренно!) отождествляет *насущные* жизненно-необходимые права человека и гражданина, без реализации которых явно невозможно само его существование, и права субъективного волеизъявления, права захвата или агрессии, присвоенные им себе откровенно ситуативным или грубо волюнтаристским образом без социально-юридически согласованной санкции общества или хотя бы его нравственного одобрения. Это юридически неправомерное уравнивание прав человека как *произволения общества* и государства, гарантирующих ему нормальную и полноценную жизнь, с правами *субъективного произвола*, независимо от того, кто пытается их реализовать на деле, и порождает ту сложную и противоречивую систему «двойных стандартов», весьма успешно применяемую в различных ситуациях поощрения или наказания тех или иных сторон в современных политических отношениях, зачастую весьма далеких и от рационально фиксируемой справедливости, и от элементарного и всем привычного законодательства.

В строго этическом смысле мы можем наблюдать здесь уже хорошо знакомое нам моралистическое извращение общепризнанной и ни у кого до сих пор не вызывавшей решительно никаких возражений проблемы: насущные «права» человека должны и обязаны удовлетворяться обществом и государством по мере жизненной необходимости, и это удовлетворение в полной мере является справедливым, ибо гарантирует ему те необходимые блага, без которых невозможно никакое человеческое бытие на земле. Однако, если в случае необходимости неукоснительного соблюдения прав человека или общности на деле мы встречаемся с гипертрофией одних «прав» в ущерб другим или же со стремлением любой ценой подогнать разнообразные права индивида под некий субъективный, но при этом неизвестно почему претендующий на универсальность стандарт прав, пытающийся доминировать над не менее законными и жизненно оправданными правами народов и государств, мы, как правило, имеем дело с утонченным этическим лицемерием, неизбежно проявляющим себя там, где нужно защищать или, напротив, исправлять положение вещей, требующее простых и ясных решений. К сожалению, современная социально-политическая ситуация чревата великим множеством такого рода этических девиаций, зачастую искажающих не только социально-гражданскую, но и международную справедливость. Поэтому духовно-нравственная бдительность политика есть то, без чего явно невозможна ни современная социальная жизнь, ни сколько-нибудь значительные успехи «на мировой арене».

Список литературы

1. **Алексеев Н. Н.** Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 252 с.
2. **Аристотель.** Большая этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
3. **Права человека**: основные международные документы. М.: Прогресс, 1989. 198 с.

JUSTICE AND HUMAN RIGHTS

Soina Ol'ga Sergeevna, Doctor in Philosophy, Professor
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering
sabirov-soina@211.ru

The author considers the problem of justice in the context of human rights. Currently, there is an improper equalization of human rights as the will of society and state guaranteeing him (her) a normal life with the rights of subjective arbitrariness, no matter who is trying to implement them in practice that gives rise to a contradictory system of “double standards”, which are often far removed from rationally fixed justice, and from elementary and usual legislation.

Key words and phrases: justice; equalizing and distributive justice; equality; inequality; human rights; anthropologization of justice; legal awareness.

УДК 94
Исторические науки и археология

После окончания холодной войны и исчезновения с политической карты Советского Союза перед США открылись возможности по переустройству мира в соответствии со своими потребностями как единственной сверхдержавы. В начале 1990-х гг. политический истеблишмент страны стал формировать новый курс на избирательное участие США в мировых процессах. В данной статье автор анализирует факторы, которые позволили США занять доминирующее положение в новом, постбиполярном мире в исторический период после окончания холодной войны.

Ключевые слова и фразы: внешняя политика США; военная мощь; экономическое доминирование; «мягкая сила».

Сугак Олег Андреевич
Кубанский государственный университет
o-sugak@mail.ru

ФАКТОРЫ ДОМИНИРОВАНИЯ США В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ©

После распада СССР у Соединенных Штатов появились беспрецедентные возможности для воздействия на мир. Это стало возможным благодаря наличию преимуществ в военном, экономическом, геополитическом, культурном и научном аспектах. Эти аспекты позволили поддерживать проводимый внешнеполитический курс.

Вышеуказанные факторы объективно предопределили не только лидирующие позиции Соединенных Штатов в мировом сообществе, но и их внешнюю политику. Окончание холодной войны стало периодом

© Сугак О. А., 2013